
языковом образовании должно стать развитие мотивации студентов к участию в поликультурной коммуникации. Следовательно, в настоящее время актуализируется необходимость ценностного ориентирования личности, позволяющего человеку вникнуть в сущность другой культурологической бытийности, увидеть её воплощенную экзистенциальную уникальность и красоту.

Литература

1. Садохин, А.П. Компетентностный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели / А.П. Садохин // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы междунар. конф. – М.: Изд-во РАГС, 2008.
2. Прыкин, Б.В. Глобалистика: учебник / Б.В. Прыкин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 463 с.
3. Агрант, Ю.В. Формирование поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы при обучении иностранному языку в вузе: автореф. дис. / Ю.В. Агрант. – Хабаровск, 2009. – 23 с.
4. Сысоев, П.В. Концепция языкового поликультурного образования (на материалах культуроведения США): монография / П.В. Сысоев. – М.: Еврошкола, 2003. – 401 с.
5. Thomas, H. *Interkulturelles Lernen im Schuleraustausch. Saarbrücken u. / H. Thomas.* – Fort Lauderdale, 1988.

Барма О.А., Минск

КОНЦЕПЦИЯ РИЗОМОРФНОГО ЛАБИРИНТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Переход общества от культуры модерна к культуре постмодерна и в большей степени к культуре пост-постмодерна знаменуется радикальным отказом от характерных для классической метафизики презумпций, среди которых преобладает презумпция константной гештальтной организации бытия, находящая свое выражение в конституировании постмодернизмом понятия «ризомы» взамен традиционной категории «структура» [1, с. 43].

Понятие «ризомы» было заимствовано Ж. Делезом и Ф. Гваттари из ботаники, где оно означало определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих побегов. Ризома как подземный стебель, отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари, абсолютно отлична от корней и корешков. Луковицы, клубни – это ризомы. Растения с корнем или корешками могут быть ризоморфными во всех отношениях. Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная с внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до

конкретизаций в луковицы и клубни [2, с. 74]. Она, по оценке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, разрушает представления о четкой и централизованной семантике культурных архетипов и носит релятивный характер описания и изучения, предполагая «корневые» основания и качественную определенность, но развитие явлений рассматривается как принципиально вариативное [3, с. 512].

Моделирование ситуаций позволяет на теоретическом уровне представить потенциальное вторжение ризомы в чужие эволюционные цепочки и образование «поперечных связей» между «дивергентными» линиями развития, способность порождать несистемные и неожиданные различия, не имеющие четкого противопоставления друг другу по наличию или отсутствию какого-либо признака [4, с. 255]. Как пишет И.П. Ильин, Ж. Делез и Ф. Гваттари, используя метафору ризомы, попытались дать представление о взаимоотношениях различий как о запутанной корневой системе, в которой неразличимы отдельные отростки. Ее побеги и волоски, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой, что якобы «парадигматически соответствует современному положению действительности» [4, с. 254].

По определению М.А. Можейко, под «ризомой» понимается фиксация принципиально аструктурного и нелинейного способа организации целостности, оставляющего открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования [1, с. 43–44].

Ризома представляет собой принципиально открытую среду, в которой из-за отсутствия границ обеспечивается постоянный обмен с окружающей средой, в связи с чем к ризоме невозможно применить четкое дифференцирование внешнего и внутреннего (что соответствует общей постмодернистской установке, выраженной в концепции *складки* Ж. Делеза). Но все же, при всей своей разнородности, ризома являет собой целостность, которая, несмотря на постоянное взаимодействие с внешней средой, не растворяется в ней, представляя собой конкретный отдельный объект [5, с. 142].

Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют шесть основных принципов, свойственных ризоме: принципы связи и гетерогенности, множественности, незначащего разрыва, картографии и декалькомании.

Принципы связи и гетерогенности реализуются в том, что любая точка ризомы может быть и должна быть связана со всякой другой, в отличие от дерева или корня, которые фиксируют точку, порядок в целом [2, с. 74].

Принцип множественности ризомы заключается в отказе от стержня, единства, Единого. В ризоме нет точек или позиций, которые

мы находим в структуре, дереве или корне. Есть только линии. «Единство всегда действует в лоне пустого измерения, дополнительного к измерению рассматриваемой системы» [2, с. 74].

Ризома может быть сломана, разбита в каком угодно месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям; это четвертый принцип ризомы – принцип незначащего разрыва [2, с. 74].

Принцип картографии подразумевает под собой радикальный отказ от презумпции наличия какого бы то ни было варианта порождающей модели, якобы детерминирующей собою процесс автохтонной эволюции ризоморфных объектов. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, ризома как таковая «не подчиняется никакой структурной или порождающей модели» [6, с. 357]. Основными презумпциями принципа картографии являются: 1) презумпция отказа от идеи глубины; 2) презумпция множественности состояний; 3) презумпция нелинейности и плюральности; 4) презумпция идиографичности (неповторимости) [6, с. 357–358]. Ризому нельзя поместить в какие-то рамки, определить ее координаты и спрогнозировать ее траекторию развития. Она везде, но в тоже время ее нельзя определить ни как часть целого, ни как само целое. Ризома не поддается сопоставимости.

Декалькированием Ж. Делез и Ф. Гваттари называют антикопирование. По их мнению, ризома боится кальки, так как калька – это репродукция уже известного, данного, упорядоченного. Кальке они противопоставляют карту: «Карта открыта, она объединяет все свои измерения, она подвижна, переворачиваема, восприимчива к изменениям» [7, с. 17].

Важно, что у ризомы нет ни начала, ни конца, но всегда есть точка, из которой она растет и выступает за свои пределы. Она является метафорой всевозможных видов «становлений». Ризома не начинается и не заканчивается, она всегда в середине, между вещей, между-бытие. «Дерево – это преемственность, а ризома – союз, только союз. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из союзов «и... и... и...». В этом союзе достаточно силы, чтобы надломить и вырвать с корнем глагол «быть» [7, с. 30–31].

Ризому нельзя рассматривать как хаос, но и нельзя рассматривать как жесткую структуру, подобно кристаллической решетке, незыблемой и (до тех пор, пока объект сохраняет свою качественную самотождественность) неизменной. Подобное переходное состояние между хаосом и структурой наиболее адекватно может быть передано посредством образа лабиринта. У. Эко охарактеризовал ризому как своеобразный прообраз лабиринта, что позволяет представить его эмблематической фигурой постмодернизма [8].

В философии постмодернизма лабиринт трактуется как пространство выбора, возможного сценария развития событий. По оценке В.В. Бычкова, лабиринт является символом «запутанности, сложности, многоаспектности культуры и бытия человеческого, полисемии культурно-бытийных состояний» [9, с. 470].

Образ лабиринта, представленный в классической культуре как физический объект, предполагающий прохождение реципиента от входа к центру и от центра к выходу, что в метафорическом смысле символизирует движение по стволу мирового дерева, символизирует сам образ мира-дерева, где спуск к корням (к центру) мирового древа и восхождение к кроне (к выходу) – путь в «неизведанные глубины» и «неисследуемые выси» – в двузначном символе лабиринта сливаются в одно: движение от краев к центру и обратно [10, с. 278]. Классическому лабиринту противостоит ризоморфный лабиринт, с отсутствием четкой системы координат, со способностью порождать множество различных значений, способствующей широкому вееру интерпретации и понимания, что, по мнению Л.В. Стародубцевой, представляет собой «идею вечного движения»: с одной стороны, приближения к центру как к тому «беспредельному пределу» устремлений, к которому можно подступать все ближе и ближе, но с которым невозможно окончательно «совпасть», и вечного удаления, отодвижения от центра – с другой стороны [10, с. 240].

Еще одним важным аспектом ризоморфного лабиринта, как пишет Л.В. Стародубцева, является то, что «ризома Ж. Делеза и Ф. Гваттари – это «лабиринт без цели», бесконечные бессмысленные блуждания в духовных строениях без центра и периферии, без входа и выхода, без начала и конца, скитания во вселенском безграничном лабиринте бесконечных возможностей» [10, с. 283].

По своей природе ризоморфный лабиринт децентрирован и антииерархичен. Нет преобладающих и посредственных в нем топосов, все дорожки, составляющие архитектуру лабиринта, не имеют преимуществ по отношению друг к другу, так же как нет и привилегированных связей между ними. Каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой, тем самым образуя новую дорожку, нацеленную на последующее «множество». Как постулируют Ж. Делез и Ф. Гваттари «множества ризоматичны, и они разоблачают древовидные псевдомножества. Нет ни единства, которое следует за стержнем в объекте, ни того, что делится внутри субъекта. У множественности нет ни объекта, ни субъекта, только детерминации, величины, измерения, которые не могут увеличиваться без соответствующего изменения сущности» [7, с. 13]: ризоморфный лабиринт может быть частью другого лабиринта («лабиринт в лабиринте»), выступать как связующее звено в цепи множества

лабиринтов, не связанных между собой семантически и/или физически, преобладать над другими лабиринтами, но в то же время быть подчиненным за счет вовлечения в структуру другого лабиринта.

Ризоморфный лабиринт «включает в себя линии членения, по которым он стратифицирован, территориализован, организован», однако линии эти перманентно подвижны и предполагают своего рода «разрывы» как переходы в состояние, характеризующееся отсутствием жесткой стратификации [1, с. 44], что заставляет идущего по лабиринту погрузиться в себя, сосредоточиться на своих ощущениях, соразмерить ритм шагов с пространством коридоров и переходов, которые «множатся», «роются», создавая ощущения хаоса.

В пространстве ризоморфного лабиринта невозможно выделить смыслообразующий центр, а следовательно, и периферию: лабиринт, таким образом, не имеет ни начала, ни конца, что определяет собой бесконечное пространство. При этом нет центрального топоса, который задавал бы вектор движения внутри лабиринта, что гарантирует ему динамичность.

Постмодернистский лабиринт включает множественность фальшивых стартов, отступлений, вариаций и повторений, замыкая на себя все выходы из себя: полагая, что направляешься к выходу, углубляешься. Единственное, что есть в лабиринте постоянного – это, пожалуй, постоянство самого движения, блуждания, скитания между абсолютным минимумом «ничто» и абсолютным максимумом «всего» [10, с. 241].

Путешествие по ризоморфному лабиринту – не что иное, как определенный род запутанного пути, беспрестанное блуждание между центром и «разорванной» окружностью, между «исчезающей точкой» и той самой бесконечной сферой существования, «центр которой везде, а границы нигде» [10, с. 242].

Для реципиента, осваивающего пространство ризоморфного лабиринта, не существует нормированных правил его преодоления, он вправе сам выбирать, с какой точки ему начинать свой путь и в каком направлении. Реципиент тем самым образует этим движением потенциально бесконечное количество направлений, что являет собой ситуацию перманентного выбора. Место, откуда он начал свой путь, является для него одновременно и началом, и концом, и серединой пути. Таким образом, он создает свой маршрут, руководствуясь своим собственным желанием, не нарушая при этом внутреннее пространство лабиринта. В рамках такого подхода невозможно конституирование финального смысла пути.

Ризоморфный лабиринт не поддается осмыслению, реципиент может начертить карту своего пути, но ее необходимо будет постоянно конструировать, а именно: вновь разбирать, связывать с предыдущими

вариантами, переворачивать, изменять конфигурацию лабиринта, пытаясь выделить множественность входов и выходов, уловить линии ускользания и линии членения.

Подводя итоги, можно утверждать, что переход от культуры постмодерна к культуре пост-постмодерна находит свое выражение в понятии «ризома», ярким примером которой является образ ризоморфного лабиринта, сочетающего аструктурную организацию внутреннего пространства, где невозможно выделить пространственные детерминанты.

Литература

1. *Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм / М.А. Можейко. – 2-изд., доп. – Смоленск, 2004. – 237 с.*
2. *Стовба, А.С. Уильям Голдинг: поэтика и проблематика «открытого произведения» / А.С. Стовба. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2012. – 214 с.*
3. *Теория культуры / под. ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большова. – СПб.: Питер, 2010. – 592 с.*
4. *Ильин, И. Ризома / И. Ильин // Постмодернизм: словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001. – 384 с.*
5. *Барма, О.А. Ризоморфный лабиринт как форма восприятия библиотеки в творчестве Х.Л. Борхеса / О.А. Барма // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Е: Педагогические науки. – 2012. – № 15. – С. 141–144.*
6. *Можейко, М.А. Картографии принцип / М.А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – С. 357–359.*
7. *Делез, Ж., Гваттари Ф. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари; сокр. пер. А. Усмановой // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф. / сост., ред. А.Р. Усманова. – Минск: Красико-Принт, 1996. – С. 6–31.*
8. *Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы / У. Эко – СПб.: Симпозиум, 1998. – С. 597–644.*
9. *Бычков, В.В. Эстетика / В.В. Бычков. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.*
10. *Стародубцева, Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания / под. ред. В.Н. Паруса, Е.Л. Чертковой. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 2000. – С. 238–296.*